

«Страх»

Открытие зимнего театрального сезона

Л. Доброумов

Пьеса пролетарского драматурга Афиногенова – «Страх» – несомненно является весьма значительным явлением в нашей драматургии. Взяв острую злободневную тему о классовой роли науки, автор разрабатывает эту тему путем диалектического показа живых конкретных людей, добиваясь при этом крупных художественных обобщений и умело избегая в большинстве случаев шаблона и трафаретности.

Профессор Бородин, – главный персонаж «Страха», проповедует «аполитичность» науки. Строя работы своего института исключительно на изучении «Вечных и безусловных физиологических стимулов», ревниво оберегая науку от «вторжения» в ее область политики, Бородин приходит к выводу: «От первого утра первых людей до последней зари человечества – только любовь, голод, гнев и страсть», «все людское поведение на четырех китах стоит: люди любят, боятся, сердятся, голодают».

Эти выводы «аполитичного» (как ему самому кажется) ученого, становятся боевым оружием в руках классовых врагов пролетариата. Бородин, сам того не замечая, со своей теорией надклассовых биологических законов социального бытия, активизирует классово-враждебные пролетариату силы, становится их орудием, знаменем контрреволюционной «научной партии».

И понадобилась длинная цепь событий, завершившихся предательством его ближайших помощников из числа буржуазных последышей, чтобы старый ученый понял свои ошибки, понял реакционность своей теории, нашел в себе мужество порвать нити, связывающие его с деградирующим, разлагающимся миром прошлого.

Драма профессора Бородина протекает в конкретной социальной среде, где борются непримиримые враждебные классовые силы. И как показ противоречивого мира идей и чувств старого профессора, так и показ этой среды, от контрреволюционеров Варгасова и Кастальского до старой большевички Клавдии Спасовой, олицетворяющей разум и волю партии пролетариата – сделаны искусной рукой художника с большим политическим кругозором и правильным пониманием расстановки классовых сил, борющихся на арене истории, и следовательно и на высотах научной мысли.

Правда, пьеса не свободна и от существенных недостатков. Так, например, процесс перерождения утонченного эстета, любителя «севрских кошек и фарфора», «граненой индивидуальности» профессора Боброва показан неубедительно, без достаточной художественной мотивировки. В том, что Боброва переродила «месячная поездка по стране – приходится верить автору на слово».

Рост казака-выдвиженца Кимбаева, знавшего также «только двести слов» и овладевшего в конце концов высотами научной мысли – показан Афиногеновым также слишком скупом, в большинстве случаев чисто внешними чертами.

Но так или иначе, глубокая философско-проблемная пьеса Афиногенова является весьма благодарным материалом для работы художественного коллектива театра: она – сценична и насыщена волнующим художественным материалом.

Как же справился с афиногеновским «Страхом» коллектив зимнего театра, избравший эту пьесу для открытия сезона?

На всем протяжении спектакля видна вдумчивая творческая работа, проделанная над постановкой «Страха». Опытная режиссерская рука (постановка принадлежит главному режиссеру театра, заслуженному артисту республики тов. Надеждову) в работе над

авторским текстом умело расставляла акценты над моментами, повышающими социальную значимость спектакля. Это достигнуто не только организацией дружного актерского ансамбля, но и умелым использованием технических средств внешнего оформления. Надо кстати сказать, что вообще внешнее оформление спектакля (макеты и декорации художника Локтина), чуждое дешевых крикливых эффектов, носит на себе печать тщательной продуманности и здорового вкуса.

Остановившись на отдельных исполнителях спектакля, надо прежде всего отметить арт. Алмазова, выступающего в роли профессора Бородина. Сложный образ старого ученого, несущего тяжкий груз понятий и традиций буржуазной науки, цепляющегося за мнимую «аполитичность» и ценой крупных потрясений приходящего к осознанию своих ошибок – этот исполненный диалектических противоречий образ подан мастерски. За живым, облеченным в плоть и кровь, профессором зритель нигде не видит мастерской игры: образ Бородина в передаче Алмазова целостен, впечатляющ, высокохудожествен.

Отлично также проведена артисткой Позен трудная роль старой большевички Клары. Артистка сумела избежать опасности показать Клару, как схематичную носительницу прописных истин. Позен сумела раскрыть образ Клары, как носительницы большевистской чуткости, воли и разума и в то же время, как живого полнокровного человека со сложной гаммой переживаний и чувств: от нежности и добродушия до великого гнева.

Образ Хусаина Кимбаева, пастуха из далеких казакских степей, идущего на завоевание научных высот, со вспышками его буйного темперамента и тонким классовым чутьем – пожалуй наиболее трудный для воплощения образ в «Страхе», тем более, что обрисован он автором довольно таки скупо. Излишне акцентируя в первом спектакле на чисто национальных чертах Кимбаева артист Донской сумел выправить этот дефект в последующих спектаклях, показав рост классового сознания и культуры в казак-выдвиженце без переигрываний и голой этнографичности. Подобное же нужно сказать и о Позен, сумевшей отбросить ненужную суетливость, снижавшую вначале образ Клавдии Спасовой.

Артистка Наумова в работе над ролью Елены Макаровой правильно и вдумчиво подошла к разрешению своей задачи, но нам кажется, что успешно избежав риторичности, Наумова в то же время несколько снизила эмоциональную насыщенность этого образа.

Из остальных исполнителей следует отметить хорошую игру Евгеньевой (Валентина), Иртенева (Кастыльский), Бороздиновой (Наташа), Леопольдова (Варгасов), Доброхотова (Цеховой). Не плохо вели свои роли Витлин (Захаров), и Кожина (Амалия Карловна), хотя крепко подчеркнутые элементы шаржа (в особенности у последней) частично выпадают из общего плана спектакля. Несколько суховат профессор Бобров: артист Чернышев понял роль правильно, но не везде сумел избежать актерского шаблона.

В общем коллектив театра дал высокохудожественный, глубоко впечатляющий, полноценный спектакль. Начало сезона, открытое «Страхом», говорит о больших художественных возможностях театрального коллектива и о том, что в использовании этих возможностей театр стоит на правильном пути. С полной уверенностью можно сказать, что первый экзамен театром блестяще выдержан, что начавшийся сезон сулит отрядные перспективы.

Необходимо обеспечить наибольшую посещаемость театра организованным рабочим зрителем, а постановкой в ближайшее время массового диспута о «Страхе» еще теснее связать театр с рабочими массами Таганрога.